

УДК 316.165.12

Т. Г. Каменская,

канд. соц. наук, доцент

ИСН ОНУ им. И. И. Мечникова, кафедра социологии

к. 40, Французский бульвар 24/26, Одесса-58, 65058, Украина

тел. (0482) 68 60 92, e-mail: kamenskaya@mail. od. ua

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ — КАТЕГОРИЯ КОГНИТИВНОЙ НАУКИ — И ЕЕ СООТНОШЕНИЕ С СОЦИАЛЬНЫМ ЗНАНИЕМ

В статье проводится обзор основных этапов и направлений в развитии научной дисциплины когнитологии. Главная категория изучения данной междисциплинарной отрасли — социальная компетенция. Проводится сопоставительный анализ социальной компетенции и социального знания, категории социологии знания.

Ключевые слова: когнитология, социальная компетенция, социальное знание.

Перед научной отраслью “социология знания”, занимающейся изучением проникновения и влияния знания на социальные процессы, стоит ряд традиционных задач — постоянно отслеживать и уточнять научный категориальный аппарат. В этой связи следует отметить, что основная научная категория данной отрасли — “социальное знание” — до настоящего времени еще не получила четкого и полного определения.

Междисциплинарный социально-психологический аспект знания изложен в работах Г. М. Андреевой, Б. М. Величковского, В. С. Магуна, зарубежных когнитологов: Т. А. ван Дейка, Н. Хомского, Р. Харре, А. Сикуреля. Определенное значение для развития когнитологии представляет и философия языка, одним из представителей которой является Л. Витгенштейн. Взгляды когнитологов и философов языка на социализационно-познавательный процесс достаточно разноплановы. Соответственно, в данном исследовании предстоит систематизировать идеи таким образом, чтобы с их помощью приблизиться к уточнению категории “социальная компетенция” и сопоставить ее с категорией “социальное знание”.

Непосредственно категория “социальное знание” в научной литературе также не имеет четкого определения. По-прежнему ощущается неглубокая проработка данного понятия. Обращение к нему мы находим в статьях российских исследователей И. В. Левитской и В. И. Дудиной.

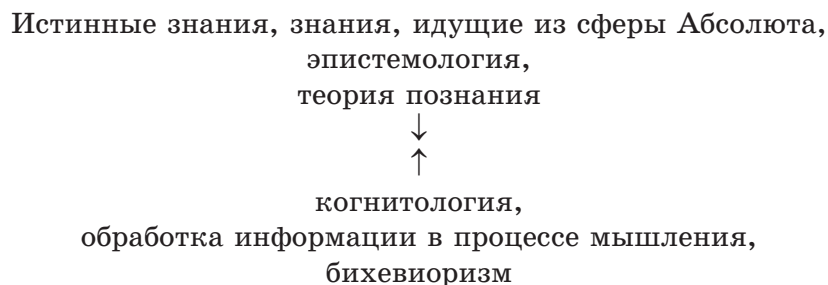
Исследовательская цель в данном случае может быть сформулирована как операционализация понятия “социальное знание”. Одна из задач, решаемых с помощью данного исследования, будет заключаться в разграничении смысловых характеристик категории “социальное знание” и “социальная компетенция”. Предварять решение этой задачи будет работа над еще одной задачей — установление связи между социологией знания и когнитологией.

Собственно “знание” тем и отличается от информации, что может существовать только в единстве с духовно-мыслительной сущностью индивида. То есть, чтобы стать знанием, информация должна перейти во владение конкретного человека, обладающего необходимыми для этого духовными и нейрофизиологическими средствами.

От психической структуры личности в значительной степени зависит схема интерпретаций знаний, социальная компетентность и социальная активность агентов. Истоки такой позиции восходят к появлению когнитивной психологии.

Известно, что бихевиористское направление в принципе игнорировало познание и мышление. Но именно бихевиоризм спровоцировал появление когнитивной психологии. Сторонники данного направления признавали, что сознание индивида включается тогда, когда для определенной ситуации не хватает прошлого опыта или нет какой-либо другой программы реагирования.

Когнитология (когнитивная психология, когнитивная социология, когнитивная наука) представляет собой как бы “встречное направление” по отношению к религиозно-философским традициям изучения знания. Достаточно о многом свидетельствует тот факт, что она зарождается в американской науке середины прошлого столетия. Когнитология берет начало из экспериментальной психологии (тесно связанной с зоопсихологией), из социального бихевиоризма, из математических приемов обработки информации, то есть полностью опирается на позитивизм и прагматизм.

На сегодняшний день данная отрасль вобрала в себя многие знания о развитии языка, о социализации личности, о формировании интеллекта и коммуникативных практик в условиях постоянно меняющихся социальных и политических процессов. Высказываются мнения, в частности, Р. Н. Крауссом, что “социальная психология всегда была по своей ориентации когнитивной” [1, с. 102].

Непосредственно знание из ближайшего окружения и предопределило заполнение пространства между строгим научным знанием и практикой. В среде представителей когнитивизма имела место дифференциация на сторонников западноевропейского когнитивизма (последователей Сержа Московичи (Франция)) и североамериканского (традиции, заложенные Г. Олпортом), что соответствует тому же распределению на сторонников социальной доминанты и психологической. Московичи и его последователи придерживались мнения о приоритетности социального аспекта в фор-

мировании социальных представлений как основной составляющей познания. Исходной позицией считалось то, что в повседневной жизни по ходу межличностных коммуникаций, а именно разговорного процесса, люди создают свою реальность, конструируют свое социальное окружение.

Г. Олпорт, а также К. Фрэйзер, У. Томас, Ф. Знанецкий в своих толкованиях аттитюдов склонялись в сторону индивидуализма. В социальном познании для них приоритетной являлась индивидуальная составляющая мотиваций, установка в превращении незнакомого в знакомое. В работе В. С. Магуна обобщены различные определения аттитюдов Г. Олпортом, Э. Богардусом, М. Рокичем, М. Розенбергом и др. В поисках мотивации человеческой деятельности в психике индивида пытались выделить: кто — “предпосылки” (Олпорт), кто — “тенденции действовать “за” или “против”” (Богардус), кто — “предрасположенности, которые, будучи активированными, приведут к реакции” (Рокич) [2, с. 111]. В этих предмотивационных позициях познавательный (когнитивный) элемент растворялся среди еще двух компонентов: аффективного (эмоционального) и конативного (поведенческого). В советской психологии аналогично аттитюдам разрабатывались социальные установки (или склонности) Д. Н. Узнадзе. В них, как и было присуще советской идеологии в целом, в расчет принималось влияние внешних (общественных) сил, других людей.

В пространстве между индивидуалистской и социально ориентированной концепциями разворачиваются мини-теории, уточняющие различные оттенки социального познания. Большинство из них были систематизированы Г. М. Андреевой. Автор “Психологии социального познания” склоняется к приравниванию социального познания к социализационному процессу. В становлении личности от младенчества все представляет собой познание: процесс взаимодействия, коммуникации, освоение языка, обмен информацией, ментальная реконструкция того, что существует на самом деле (создание собственного образа мира) и т. п. Рассматриваемые ею механизмы образования социального познания через восприятия опираются на стерео типизацию — как исходящую из личностных задатков, так и из “признаков социального происхождения” познающего субъекта и познаваемого объекта [3, с. 51]. Рефлексивная структура межличностного восприятия Дж. Холмса, теория каузальной атрибуции Г. Келли, концепция актуализации “категорий” Дж. Брунера опираются, прежде всего, на то, что познавательные процессы происходят в непрерывном, сообща создаваемом, социальном контексте с использованием общих упрощенных схем.

Одним из основоположников когнитивной социологии является А. Сикурель, социолог Калифорнийского университета, руководитель кафедры когнитивной науки с 1989 г. Его взгляд на предмет когнитивной социологии выражен в том, что он под различными углами зрения пытается прояснить, как организовано наше знание, как оно хранится и активизируется [4, с. 96]. В организации знания он различает объективное, или разъясняющее, знание (“декларативное знание”) и знание о приемах (“процедурное знание”). Первое строится на глубинной структуре, второе — на внешней структуре, и оба они содержатся в нашей памяти в виде различных схем.

На вопрос о том, как активизируется наше знание, он отвечает, сопоставив свойства общества с правилами грамматики. Общие особенности общества Сикурель называет “порождающей семантикой”. Имеется в виду, что различные социальные институты и группы являются контекстуальной и содержательной причиной разговоров людей: разговоры в различных конторах, разговоры врачей, пациентов, между полицейскими и подозреваемыми, судьями и обвиняемыми и т. п. “Основным объектом исследования в порождающей семантике является **социальная компетенция**, лежащая в основе реального поведения индивида в ситуациях социального взаимодействия” [5, с. 207]. Она обеспечивает переход от языкового высказывания к социальным действиям, поэтому берет свое начало в языковой компетенции. То, как в специфических контекстах ведутся разговоры, диалоги, должно исследоваться специфическим лингво-аналитическим структурированием. Учитываются в первую очередь такие стороны: очередность участников общения; кто начинает и кто заканчивает разговор; гендерные особенности разговоров; исходящая инициатива на изменение темы разговора; люди, позволяющие себе перебивать собеседника, поправлять и исправлять ошибки. При этом еще и учитывается система правил окружающего общества.

Влияние осознания людьми социальной реальности на их социальное поведение исследуются параллельно философом-лингвистом Людвигом Витгенштейном, Номаном Хомским, Ромом Харре и др. Хомский близок по своим взглядам к Сикурелю, только он различает отдельно **социальную компетенцию и исполнение** как глубинную и поверхностную структуры поведения. Аналог поверхностной структуры — нормы (неявно выраженные и осознаваемые в качестве правил, предписаний) без понимания, без познавательных и языковых механизмов, без уяснения смысла. Глубинные процессы, которые способны значительно повлиять на все социальное поведение людей, связаны с осмыслением социальной реальности. Задача когнитивной социологии у Хомского — выявление познавательных механизмов порождения явных социальных значений, норм и ценностей [5, с. 209].

К концу XX столетия в когнитологии активно развивается так называемая лингвистическая парадигма. Тот же принцип противостояния бихевиоризму выводит когнитивистов на языковую основу знания, то есть на употребление языка — прагматику. Последнюю интересует не только доступ к процессам и структурам, обеспечивающим продуцирование, понимание, запоминание, репродуцирование, но и объяснение того, как происходит планирование, производство и понимание действий других, их речевых актов, влияние конкретных ситуаций.

Известный в области когнитивной теории Т. ван Дейк объединяет все это понятием “общего или конвенционального знания”. “Кроме таких когнитивных феноменов, как представления, желания, предпочтения, нормы и оценки, велика также роль конвенционального знания (социального по своему характеру). В своем общении и поведении люди пользуются **знаниями-мнениями и знаниями общего характера (конвенциональными)**.”

Собственно, социальные условия — такие, как авторитет, власть, ролевые отношения, отношения вежливости, условия искренности, которые требуют прямой связи между содержанием мысли и содержанием высказывания, — вовлечены в формулировку прагматических правил. [6, с. 12, 14]. Это позволяет организовать стереотипные концептуальные схемы общения и поведения. Их можно описать в терминах фреймов (скрипты, сценарии, схемы используются в работах по искусственному интеллекту). Фреймы не являются произвольно выделяемыми “кусками” знания. Они являются единицами, организованными “вокруг” некоторого концепта (сценария), они определенным образом организуют наше поведение и позволяют правильно интерпретировать поведение других людей [6, с. 16-17].

Языковое направление в когнитологии берет начало от Л. Витгенштейна. Субъективный мир для Витгенштейна также связан с языком, со значением слов. Текст — осмысленное послание человека другим людям. “Дело, пожалуй, не столько в том, что “без языка мы не могли бы понимать друг друга”, сколько в том, что без языка мы не могли бы влиять на поведение других людей тем или иным образом” [7, с. 415]. Непосредственный переход, “скачок” от знания к действию объясняется тем, что язык, с помощью которого оформляется знание, представляет собой игру, некую договоренность о правилах употребления знаков. Та же конвенциональность языка, как и у ван Дейка, у Витгенштейна получает оттенок большей критичности. “Языковая игра, которой нужно обучаться, как и всякой другой, — ложь” [7, с. 348]. Проблема истинности социальных представлений сводится к “доверительной истине”. Сначала исследовательское внимание было обращено к изучению механизмов выработки доверия, а затем и к конструированию вызывающих доверие суждений, образов, моделей поведения. Происходит это путем завершения, “доопределения” психических состояний людей в процессе коммуникации.

Знание, представляющее определенную социальную ценность, по логике, получает название “социальное знание”. В области социального знания сфокусированы не только акты поиска истинного, “чистого” знания, пусть и с определенной условностью, но и весь контекст жизненного мира. Одно из определений социального знания находим у И. В. Левитской, которая считает, что оно далеко от сциентистского знания, обращенного к объективной реальности, как к миру без человека. Социальное знание большей своей частью отражено в языке, который сам есть продукт социальных отношений. “Все, что я знаю, я был научен людьми” [8, с. 109].

Еще одна российская исследователь В. И. Дудина определяет социальное знание, отталкиваясь от специфики социальных наук. И поскольку социальные науки не имеют “более или менее четких критериев оценки знания”, то и социальное знание характеризуется автором как “некумулятивное”, “стремящееся соединиться с социальной практикой”, что делает его зависимым от социального контекста [9, с. 12]. Естественно, ему еще будут характерны “мультипарадигмальность” и “амбивалентность”, считает Дудина.

Мы попытаемся обратиться к социальному знанию таким образом, что-

бы не упустить из виду специфическое свойство “знания”. Сущность этого феномена все же заключается в отборе из множества познавательных, мыслительных, эмоциональных и деятельностных процессов того, что образует для мыслящего индивида некую долю истины. Любые другие “осадки” от умственных или физических усилий человека имеют свои обозначения. Это могут быть мнения, желания, убеждения, впечатления, запоминания, ожидания, стремления, предсуждения и т. п., но они не есть знания. За множеством оттенков сознательной деятельности “знание” постепенно утратило свои четкие границы.

В определениях понятия “знание” неоднократно встречаются указания на его потенцирующие (термин Р. Харре) свойства. Свидетельством этому может быть: известное выражение Ф. Бэкона “знание — сила”; высказывание Л. Витгенштейна — “грамматика слова “знать” родственна грамматике слов “мочь”, “быть в состоянии” и “понимать” [7, с. 304]; определение английского философа Энтони Кенни — “знание есть способность особого рода, а не состояние”. Все это говорит о том, что знание может определяться как способность пользоваться информацией, навыками, сведениями для своего блага и бесконечно совершенствовать результаты познания. “Способность”, как правило, применяется в определении индивидуальных качеств. Относительно же групп или общества “способность” звучит как “условия, возможности, ресурсы”. Следовательно, социальное знание — это комплекс самоощущений и осознаний реальности, необходимый для уверенности, и создающие его (этот комплекс) условия.

В качестве подведения итогов сопоставим две рассмотренные нами научные категории “*социальное знание*” и “*социальная компетенция*”. В определенных случаях эти словосочетания могут использоваться как синонимы. В переводе с латинского *competentia* означает “принадлежность по праву”. Кроме того, существуют варианты: 1) круг полномочий органа или должностного лица; 2) круг вопросов, в котором какое-либо лицо обладает познаниями. Можно допустить, что русское слово “знание” в словосочетании “социальное знание” в научной терминологии заменяется на полностью латинское словосочетание “социальная компетенция”.

С развитием когнитологии и микросоциологии отличительные особенности употребления этих понятий становятся более отчетливыми. Как уже упоминалось, введение термина “социальная компетенция” принадлежит А. Сикурелю. Он обозначал им не знания, как сориентированные на приближение к истине, а знания, порожденные реальным поведением индивидов в ситуациях социального взаимодействия. В качестве критерия знания выступала конвенциональная истина, выработанная социальными группами в определенный период истории. В “Социологии политики” П. Бурдые так интерпретирует, что значит быть компетентным в политике: быть “социально назначенным в качестве правомочного заниматься политическими делами” [10, с. 103]. Такое истолкование также подчеркивает, что за понятием “компетенция” может в большей степени стоять признание внешним окружением, а уже затем — высокий уровень когнитивных способностей в той или иной сфере. Об этом свидетельствует и то, что у части

когнитологов социальная компетенция ассоциировалась с языковой компетенцией, а значит, и существенно зависела от самопрезентации и коммуникативных способностей личности. В то время как социальное знание может быть и сокрытым знанием. Оно может обеспечивать обладателю им не столько социальное признание, внешние атрибуты и оценки, сколько личностную уверенность, чувство свободы и самостоятельности в принятии решений.

В итоге можно утверждать, что социальное знание при налаживании определенных отношений с окружающим социумом способно проявиться и как социальная компетенция. У социального знания и социальной компетенции есть общая сфера — знание, как прошедшая селекцию информация, и наделяющее субъекта определенными способностями. И есть свои специфические стороны. Социальное знание в отличие от социальной компетенции проходит отбор от заблуждений, ориентируясь на истинное знание, на установление онтологии происходящего, истинного положения вещей. Для субъекта с социальной компетенцией отбор знания осуществляется в соответствии с конвенциональными истинами и социальным признанием.

Эти две категории — социальное знание и социальная компетенция — являются продуктами социального познания, как всеохватывающего и непрерывающегося процесса постижения всего, что происходит вокруг и с участием человеческого взаимодействия. И еще раз подчеркнем — социальное знание как продукт социального познания обособливается в отдельную категорию и занимает свое место среди социальных благ и ресурсов в ответ на активное задействование знаний в организации социальной жизни. Однако в отличие от других благ и факторов, влияющих на социальные отношения, социальное знание может иметь ценность для индивидов и групп без зримых и явных статусных показателей. Как писал Аристотель об образовании — оно может служить бедному человеку в утешение, а богатому в украшение — так и наличие знания может цениться людьми не только как источник материальных благ, общественного признания и уважения, а как, например, внутренний ресурс бесконфликтного, внутренне умиротворенного существования в обществе. Знание может служить человеку условием его самоуважения, самореализации в референтной социальной группе ценителей специализированного знания. В конце концов, как указывал М. Шелер, знание человеку может быть необходимым для спасения, а, по мнению П. Сорокина, — для мистического опыта. Социальная же компетенция все же более привязана к окружающему социальному контексту. Она определяется им и существует только при внешней предназначенности.

Литература

1. Познание и общение. М.: Наука, 1988. — 208 с.
2. Магун В. С. Потребности и психология социальной деятельности. — Ленинград: Наука, 1983. — 176 с.
3. Андреева Г. М. Психология социального познания. Учебное пособие для студентов вузов. — М.: Аспект Пресс, 2000. — 288 с.

4. Монсон Пер Современная западная социология: теории, традиции, перспективы / Пер. со швед. — Спб., Нотабене, 1992. — 445 с.
5. Взаимодействие наук как фактор их развития. Сборник научных трудов. — Новосибирск: Наука, 1988. — 286с.
6. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / Пер. с англ. — М.: Прогресс, 1989. — 312с.
7. Витгенштейн Л. Философские исследования / Языки как образ мира. — М.: ООО “Издательство АСТ”; Спб.: Terra Fantastica, 2003. — 568.
8. Левитская И. В. Проблема познания человека в меняющемся мире //Современные проблемы методологии социогуманитарного познания. — Самара, 2001. — 118 с.
9. Дудина В. И. Сравнительная эпистемология социального знания // Компаративистика: Альманах сравнительных социогуманитарных исследований. — СПб.: Социологическое общество им. М. М. Ковалевского, 2001. — С. 12-26.
10. Бурдые П. Социология политики / Пер. с фр. — М.: Socio-Logos, 1993. — 336с.

Т. Г. Каменська

Інститут соціальних наук

Одеського національного університету ім. І. І. Мечникова

к. 40, Французький бульвар, 24/26, Одеса-58, 65058, Україна

СОЦІАЛЬНА КОМПЕТЕНЦІЯ — КАТЕГОРІЯ КОГНІТИВНОЇ НАУКИ — ТА ЇЇ СПІВВІДНОШЕННЯ З СОЦІАЛЬНИМ ЗНАННЯМ

В статті проводиться огляд основних етапів і напрямків у розвитку наукової дисципліни когнітології. Головна категорія вивчення даної міждисциплінарної галузі — соціальна компетенція. Проводиться порівняльний аналіз соціальної компетенції і соціального знання, категорії соціології знання.

Ключові слова: когнітологія, соціальна компетенція, соціальне знання.

Tatyana G. Kamenskaya

Institute of social sciences of Odessa Mechnikov National University,

Department of Sociology

Frantsuzsky Boulevard, 24/26, r. 40, Odessa-58, 65058, Ukraine

SOCIAL COMPETENCE — THE CATEGORY OF COGNITIVE SCIENCE — AND ITS CORRELATION WITH SOCIAL KNOWLEDGE

Summary

The article gives review of basic stages and avenues in development of such scientific discipline as cognitology. The main category in studying this interdisciplinary field is social competence. Author carries out the comparative analysis of social competence and social knowledge, category of social knowledge.

Keywords: cognitology, social competence, social knowledge.